

Владимир Жиганов

Открытое письмо газете «Голос Родины». 1976

ДОНЕСТИ ПРАВДУ

Для огромной массы людей, выброшенных революцией в вынужденную эмиграцию, вопрос о будущем России, ее судьбе был крайне важен. От ответа на этот вопрос выстраивалась личная жизнь конкретного человека. Диапазон мнений был очень большой, но постепенно образовалось два основных течения: с одной стороны – сменовеховцы и евразийцы, выступавшие за примирение с советской властью, с другой стороны – носители идеи непримиримости.

Отправной точкой, послужившей для создания всевозможных комитетов и союзов, выступавших за примирение с советской властью и возвращение на родину, стало издание декретов ВЦИК от 3.11.1921 года об амнистии участников Белого движения. Во многих странах, где находились русские эмигранты, стали возникать различные отделения «Союза возвращения на Родину»; только в одной Болгарии было создано 65 таких организаций. Количество людей, решивших вернуться, составило около 180 000. Почти всех их ждала незавидная судьба: по прибытии на родину офицеров расстреливали на месте, остальных, как правило, направляли в концлагеря. Подобных директив и декретов издавалось немало за годы советской власти, особенно после Второй мировой войны, – увы, всех «возвращенцев» ждала одна горькая участь «лишенцев».

«Совнарод» и ему подобные организации издавали свои газеты, через которые проводилась, с одной стороны, агитация и склонение людей к репатриации, а с другой – создание положительного образа СССР в Зарубежье и критика эмигрантских организаций. Газета «Голос Родины» начала издаваться с 1955 года. Вначале она называлась «За возвращение на Родину», а в 1960-м была переименована в «Голос Родины». Газета распространялась в 83 страны, целевая аудитория – русская эмиграция. Именно эту газету в течение многих лет читал и анализировал Владимир Данилович Жиганов, человек удивительнейшей судьбы – штабс-капитан, принимавший участие в трех войнах, литератор и издатель, представитель Российского Зарубежного исторического архива в Чехословакии. Находясь в эмиграции в Шанхае, он подготовил и издал уникальный альбом «Русские в Шанхае», который без преувеличения можно назвать энциклопедией жизни русской эмиграции в Шанхае. В предисловии к альбому он напишет: «На страницах своего альбома я старался запе-

чатлеть те качественные проявления, которые выказала русская белая эмиграция за годы своего изгнания, а именно: неугасимую любовь к своей Родине, веру в Бога и преданность Святой Православной Церкви»; в этом весь Жиганов и его жизненное кредо. После переезда в Австралию он издает журнал «Картины прошлого» и продолжает собирать материалы для второго тома «Русские в Шанхае». В моем архиве находится Открытое письмо, написанное В. Д. Жигановым в сентябре 1976 года, в котором он обращался к сотрудникам газеты «Голос Родины», а если точнее – ко всем соотечественникам, рассказывающая неискаженную правду о тех событиях, участником которых он был.

Следует отметить, что подобные письма писались не только В. Жигановым, готовились они и сотрудниками Народно-Трудового Союза, «Братством Русской Правды», да и частными лицами – людьми, которые не могли смириться с советской диктатурой, установившейся на их родине, с тем, что вещала советская пропагандистская машина. Как правило, эти письма и листовки забрасывались в Советский Союз на воздушных шарах, оставлялись в пассажирских поездах, следующих в СССР, распространялись среди советских людей, оказавшихся на Западе, – моряков, деятелей искусства, ученых.

Неудивительно, что в письме есть небольшие фактологические неточности; в частности, в списке расстрелянных маршалов стоят фамилии Корка, Каширина, Мразовского. А. И. Корт был командармом 2-го ранга, И. Д. Каширин – начальником мобилизационного отдела Народного комиссариата лесной промышленности СССР, Мразовский, скорее всего, был военспец.

Конечно, современному читателю, с позиций сегодняшнего дня, это письмо может показаться наивным, но от этого оно не перестает быть важным документом своего времени, в котором отразилось состояние умов постаревшей белой эмиграции, сложившиеся в ней легенды, – как и прежняя ее вера в то, что Россия освободится от коммунистов. Письмо Жиганова – типичный образец такого рода многочисленной корреспонденции, с помощью которой, в том числе, эмиграция пыталась бороться с советской властью.

Письмо дается в сокращенном виде, по современной орфографии, с сохранением стиля автора.

Юрий Сандулов

МОЯ ПРОСЬБА К РУССКИМ ПАТРИОТАМ

Так как мое Открытое письмо газете «Голос Родины» может не пропустить советская цензура, я напечатал несколько сот его копий, при помощи которых оно, несомненно, дойдет до тех, кому оно адресовано.

Купив себе несколько копий (хотя бы три копии, за доллар), храните их до Вашей встречи с советскими туристами или же матросами. Дайте им прочесть мое письмо. Правду они должны знать.

Вполне возможно, кто-либо из них (даже из тысячи один) возьмет одну копию и увезет на родину. А там, уложив письмо в свой конверт, бросит в поч-

товый ящик, и оно дойдет до «Голоса Родины». И может быть, до самого маршала Советского Союза Ильича Второго.

Это письмо полезно прочесть также тем, кто не читал мои журналы «Картины прошлого».

Шлите эти копии Вашим знакомым в Америке и Европе. Может быть, от них мое письмо будет иметь больше шансов дойти до Москвы, чем от нас.

В этом письме я никого не ругаю, а излагаю только известные мне факты, которых не знают сотрудники «Голоса Родины».

Было бы очень неплохо, если бы кто-нибудь сделал точный перевод на английский язык, а потом бы нашел желающих напечатать и разослать копии политическим партиям Свободного мира, включая коммунистическую.

Владимир Данилович Жиганов

V.D. Jiganoff, P.O. Box 92 Burwood, N.S.W. Australia

Редактору и сотрудникам советской газеты «Голос Родины»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Дорогие соотечественники,

В 27-ом номере вашей газеты «Голос Родины» вы комментировали письмо Сергея Введенского, присланное вам из далекой Бразилии. Он написал вам, что всё, что вы пишете, есть брехня.

Разрешите и мне, вашему долголетнему читателю, сказать кое-что на эту тему. Я тоже ненавижу брехню!

В вашем ответе на письмо Введенского вы утверждаете, что он ошибается, считая вашу газету брехней, потому что он уехал из России ребенком и поэтому о жизни на родине ничего не знает.

А я уверяю вас, дорогие соотечественники, что мы, живущие за границей, знаем обо всём, что творилось и творится в России с 1917 года, больше тех, кто жил под контролем советских диктаторов: Свердлова, Сталина, Маленкова, Булганина, Хрущева и теперь живет рабом Брежнева. <...>

Сергей Введенский, если он, живя за границей, интересовался своей родиной, знает о ней больше, чем вы, так как в Советском Союзе всё знать не положено. А я немного постарше Введенского. Мне уже 80. И за 60 лет с Октябрьской революции я узнал о жизни на родине гораздо больше, чем Введенский, и не потому только, что я старше его, но потому, что для меня родина всегда, с самых юношеских лет, была дороже моей жизни.

Я защищал ее, рискуя своей жизнью, и в Первую мировую войну, добровольцем воюя с немцами, и в Гражданскую, воюя с

интернациональной армией Лейбы Троцкого, и во Вторую Отечественную войну, воюя с изменниками и предателями России.

Живя за границей, я никогда не отрывался душой от моей матери-родины. Я всегда читал и то, что писали в газетах и книгах бежавшие с родины, и то, что писали в газетах и книгах на родине.

Ленинский рай я видел собственными глазами и испытал его на своей шкуре. Но я один, конечно, не мог увидеть всего, что творилось в советском раю, и не мог знать правду обо всем творившемся, так как советская власть всегда скрывала правду от народа.

Но правду, как шило, в мешке не утаишь. Она всё равно вылезет наружу. После Октябрьской революции 3000000 россиян имели великое счастье унести свои ноги с любимой родины, спасая свою жизнь. (Два миллиона до Второй мировой войны и миллион после войны не захотели вернуться из германского плена.) Среди бежавших были и помощники советских министров, и послы, и генеральные консулы, и областные начальники ГПУ, и военные командиры, и выдающиеся ученые, и известные академики, и прославленные советские писатели, и другие члены коммунистической партии СССР. И почти каждый из трех миллионов бежавших с родной земли приносил в свободный мир какую-нибудь новую подробность о происходящих в России событиях, которые там скрывала пресса.

Сотни потрясающих мир книг были написаны бежавшими о страданиях несчастного российского народа и жестокостях власти, созданной Лениным. Тем самым Лениным, великим обманщиком, который написал более тридцати томов о законности, справедливости, о недопущении эксплуатации человека человеком, о всеобщем братстве человечества, о всеобщем равенстве, о мире всего мира и недопустимости войн, о передаче всей пахотной земли крестьянам в полную собственность и прочих идеях, которые он, с первых же дней захвата власти, даже не пытался применить, а делал всё обратное тому, что писал в его книгах.

В 1969 году Комитет Защиты прав человека при Организации Объединенных Наций на заседании, состоявшем из представителей коммунистических стран и некоторых черных африканских республик, которым Москва оказывает финансовую и военную помощь, просмотрев сочинения Ленина, вынес резолюцию, провозглашающую его величайшим гуманистом нашего времени. Не было на том заседании никого из русских, кто мог бы сказать тем продажным душам, что Ленин никогда в его жизни не был гуманным человеком. Ленин презирал мораль и гуманность, считая, что гуманностью он никогда не добьется победы. Он и не скрывал того. Он писал с наглостью, черным по белому: «Морально для нас только то, что спо-

собствует созданию социализма и ведет к победе мировой резолюции. А всё, что препятствует нашей победе, антиморально».

Его гуманность значит: если помогает коммунизму, воруи, грабь, насилуй, убивай. Греха не будет, Карл Маркс сказал: Бога нет. Свергнув при помощи обманутых балтийских матросов Временное демократическое правительство и разогнав пулеметами Учредительное собрание, избранное всеми народами России, которое должно было выработать конституцию страны и избрать правительство России, Ленин объявил «диктатуру пролетариата». А что означает слово «диктатура», он пояснил в 25-ом томе его сочинений на странице 441: «Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». Будучи фанатиком-интернационалистом, он смотрел на Россию и на русские народные массы как на строительный материал для создания Мировой революции.

Он не спрашивал, что хочет русский народ и чего не хочет. Придя к власти, он очень хорошо знал, например, что подавляющее большинство России – верующие люди и принадлежат к христианской Православной Церкви. <...> [он] решил насилием уничтожить христианство, существовавшее в России 1000 лет. И уничтожить его не антирелигиозной пропагандой, а самыми жестокими мерами. По приказу этого «гуманиста» большевики во всех частях страны начали закрывать и громить православные храмы и очень многие из них просто сносить с лица земли, чтобы не оставалось от них следа. Тысячи прекрасных церквей, включая и величественные соборы в Иркутске, Костроме, Харькове, Киеве и других городах, и даже в Москве храм Христа Спасителя, являвшийся одним из величайших в мире христианских храмов, воздвигнутый в благодарность Богу за избавление русского народа от Наполеона и в то же время являвшийся памятником героям Отечественной войны, были взорваны и снесены с лица русской земли. Грандиозные колонны и стены с внутренней стороны были украшены в нем большими мраморными досками, на которых были выбиты и покрыты чистым золотом имена отдавших свою жизнь за Россию; русский народ собирал даже по копейке на его сооружение, строили его 40 лет, стараясь сделать его как можно красивее и величественнее. Даже грандиозный купол его был покрыт чистым золотом, которого пошло для этого 150 пудов.

Как же не назвать разрушение этого величественного памятника великим глумлением Ленина над русским народом? Ленин не только плюнул в душу верующего в Бога русского народа, но еще он оплевал наших прадедов, которые спасли своими жизнями Россию и прославили ее тогда на весь мир. Только подлец мог назвать гуман-

ностью это великое злодеяние, совершенное Ленинской властью. Если бы Ленин был дикарем африканским, вроде тех, кто назвал его великим гуманистом, тогда я назвал бы его вандалом, но Ленин не был дикарем. Он – генеральский сын, да еще дворянин с высшим образованием. Разрушение Храма Христа Спасителя показывает нам ясно, каким он был ярым безбожником и как он ненавидел верующих и патриотов. Считая верующих и патриотов самым большим препятствием к достижению своей цели, он готов был сжечь их всех на костре. Уничтожить их вместе с их духовенством и их храмами. Но казнить за веру в Бога он сразу не решился. Это сатанинское дело он оставил его последователям. Сначала он решил уничтожить духовенство, и под его благословение началось на Русской земле истребление служителей Православной Церкви. Еще при его жизни были убиты, замучены и даже растерзаны многие епископы, архиепископы, митрополиты, а большинство было заключено в тюрьмы на долгие сроки, где многие из них погибли. Я не имею данных о числе убитых духовных лиц после смерти Ленина, но еще при его жизни уже было убито 2661 лицо белого духовенства и 5409 монахов и монахинь. В тюрьмах их мучали, били и заставляли отречься от Бога. Им обещали освобождение, если они сделают это. Я лично встречал сельского священника, который, сидя под арестом, подписал под угрозой смерти письмо в губернскую газету, в котором он просил прощения у народа за то, что он обманывал 20 лет верующих людей, называя себя шарлатаном и паразитом. Читая его письмо, я был глубоко возмущен его поступком и называл его негодяем. Большевики выпустили его, и он оказался моим соседом по рыбной ловле. Проходивший мимо нас какой-то рыбак, глядя на меня и указывая пальцем на священника, крикнул: «Вот он, хриstopродавец, сукин сын, который написал письмо в газету». Я взглянул на священника. Он показался мне очень несчастным и жалким. Его милое лицо выражало великое душевное страдание и как бы говорило: «Пошадите, что вы со мной делаете?» Я подошел к нему и спросил: «Зачем вы написали письмо в газету?» Он не выдержал и заплакал. Потом, с бегущими из глаз слезами, сказал: «Голубчик, Владимир Данилович, послушайте меня, я верю, что Вы никому не расскажете, что я вам скажу! Меня много раз ГПУ просило прекратить церковные службы, а верующие в один голос говорят: ‘не слушай их, отец Павел. Это не ихнее дело. Церковь теперь отделена от государства’. Явилось ко мне ГПУ, арестовали меня, это было в прошлую зиму, и посадили меня в сельскую нетопленную баню и заперли. На второй день приходит ко мне наш председатель и говорит: ‘Что же ты, отец Павел, наделал? Что же будут делать теперь твои малые детки? У тебя же их, кажись, двенадцать, и старшой

(Зине) еще и шестнадцать годов нету. Что же с ними будет теперь делать матушка, после твоего расстрела?» – ‘Я, – говорит мне священник, – пришел в ужас’. – ‘Разве они хотят расстрелять?’ – ‘Да, отец Павел, это уже решено. Наверно, завтра они прикончат тебя. А ты знаешь, отец Павел, ты можешь спасти своих деток. Напиши в губернскую газету письмо, что ты никогда не верил в Бога, а в священники пошел, чтобы помогать капиталистам пить народную кровь. Вот, я даже приготовил тебе письмо. Подписывай скорее, пока еще жив, и я сейчас побегу к помощнику начальника ГПУ. Когда он увидит, что ты подписал письмо, он сразу тебя выпустит’. <...> «И я, – сказал мне отец Павел, – принял на свою душу великий грех, чтобы спасти моих маленьких деток». Этим «гуманным» ленинским поступком отца Павла не подвергли казни физической – но подвергли страшной пытке духовной. Женщины, встречая его, плевали ему вслед, оскорбляли его, называя Иудой, спрашивали его, за сколько сребреников он продал Христа. Мужчины, встречая его, материли, а он молчал, не отвечая им ни одним словом, так как помощник начальника ГПУ взял с него подписку не говорить никому ни слова, почему он написал письмо. Он сказал ему, если он нарушит обещание, то на сей раз будет прикончен без разговоров.

Когда начались в России массовые расстрелы духовенства и верующих людей ленинской «гуманной» властью, святейший Патриарх Тихон, который во время борьбы Белых армий с безбожной еврейской властью, не обратился с воззванием к Русскому народу помогать Белым армиям. Как истинный христианин, он считал для себя великим грехом призывать к братоубийству. Но массовые убийства верующих и духовных лиц он осудил. Грозно на всю Россию раздался тогда его слова, обращенные к власти грабителей и убийц: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы! Ведь то, что вы творите, не только жестокое дело: это поистине сатанинское дело». Ко всем этим кровавым делам Ленина и его компании надо добавить поголовное истребление Царского рода Романовых. Можно ли назвать гуманностью убийство добрейшего и гуманнейшего, до безумия, Императора Николая Второго, который не казнил своих злейших политических врагов, готовивших ему смерть? Если бы Царь казнил своих будущих убийц, Ленина, Сталина и Свердлова, а не ссылал бы их в Сибирь, где они жили «как на даче». Он спас бы и свою жизнь, и двадцать миллионов человек, которых после его смерти уничтожила советская власть. В его царствование российские суды приговаривали к смертной казни только террористов, разбойников и изменников родины. Ведь даже те, кто совершил Февральскую революцию и принудил Царя отречься от престола, через четыре

месяца строгого расследования его царской деятельности объявили народу, что Царь чист и никакого преступления перед родиной не совершил. Но Ленин, которого Царь выпустил на свободу после короткой ссылки в село Шушенское в Сибири и даже после этого решил ему уехать за границу, и Свердлов, живший со Сталиным последние четыре года до революции в сибирской ссылке как на даче, увидев через полгода после «Великого Октября», что народ начал разочаровываться в ленинских порядках и многие простые люди даже стали открыто высказывать, что напрасно сбросили Царя-батюшку с престола, решили, что хотя те, кто сверг Царя с престола и не нашли в его действиях преступлений, и несмотря на то, что Царь пощадил их и не повесил, как делал великий Император Петр Первый в таких случаях, всё же его надо убить. А на то, что может пожелать народ, они наплевали. Император Николай Второй был тихим, кротким, глубоко верующим человеком и в высшей степени застенчивым. <...> Он страшился русского трона. Желания быть царем такого бунтаря-народа, как русский, у него не было. Потому что, кроме трех иностранных языков и курса Военной академии, он изучил еще русскую историю и никогда не забывал Петровских стрельцов, Пугачевщину, Стеньку Разина, декабристов, пытавшихся убить Николая Первого, убийство его деда, Императора Александра Второго, неоднократную попытку убить его отца, Александра Третьего. (Последнее покушение было совершено старшим братом Ленина.) Но после смерти отца, по закону страны, он был объявлен наследником престола. Он подчинился закону и стал служить родине, как любой патриот России, призванный на военную службу. А после коронации, будучи глубоко верующим человеком, он уже считал себя Царем по воле Божией. Хотя Царь никогда не требовал смерти своим политическим врагам, Ленин и Свердлов, решая убить его, нашли, что этого мало. Надо убить и царицу тоже, и всех его четырех дочерей, и маленького большого сына. А затем и брата Михаила, который никогда не был причастен к управлению страной, а был просто офицером и во время войны три года командовал на Кавказском фронте кавалерийской дивизией, состоявшей из лучших кавалеристов кавказских народов. Дивизия наводила на турок ужас своими атаками, и ее прозвали «Дикой дивизией». Великого князя Михаила Александровича, арестовав и уведя ночью из отеля, убили в ту же ночь, проломив молотом его череп, а затем бросили его тело в раскаленную доменную печь, объявив народу, что брат бывшего царя Михаил Романов бежал. Если это убийство гуманно, то почему Ленин скрыл его от народа? Однако и этого убийства «гуманистам» было мало. В городе Алапаевске, куда были свезены Великие князья и княгини,

носившие фамилию Романовых, на следующую ночь после убийства всей царской семьи с ее прислугой, состоявшей из простых крестьян, были также увезены в лес и там сброшены живыми в шахту, после чего заброшены ручными гранатами. Царскую семью расстреляли залпами из револьверов, а потом, увезя в лес, разрубили там их тела топорами на части и жгли два дня, чтобы скрыть проявленную к русскому православному Царю ленинскую «гуманность» от народа. А в Алапаевске ленинские душегубы превзошли самых великих садистов. Забросав ручными гранатами, они еще подвергли свои невинные жертвы страшным страданиям. Сброшенные в шахту не были убиты все сразу, а большинство из них, окровавленные, с оторванными частями тела, истекающие кровью, ждали там на дне шахты по два-три дня своей смерти в великих страданиях. Когда мировая печать узнала о массовом убийстве всего рода Романовых, она осудила Ленина и назвала убийство варварством, недопустимым в цивилизованном государстве. Мировая печать спрашивала: «ГДЕ ЖЕ ЗАКОННОСТЬ И ГУМАННОСТЬ, О КОТОРЫХ ТАК МНОГО ГОВОРИЛ И ПИСАЛ ЛЕНИН?» И Ленин, чтобы смыть с себя позор, решил смыть его новым массовым убийством. Он решил свалить великое преступление на социалистов-революционеров. Чтобы доказать, что у него с Свердловым есть законность и гуманность, он разыграл в Москве судебный процесс-фарс левого социалиста-революционера Яхонтова. Яхонтов принадлежал к последней политической партии, которую Ленин решил истребить. Яхонтову было предъявлено обвинение в том, что он, в интересах своей партии и в целях дискредитации советского правительства, организовал убийство Царской семьи. Яхонтов и тринадцать других подсудимых были приговорены к расстрелу. <...>

Я уверен, что многое из того, что я только что сообщил вам, вы не знали. А знать надо. Это факты, происходившие на нашей родине. Если бы я написал вам ложь, то меня осудили бы патриоты, живущие в Австралии, которым я не раз писал, что я презираю ложь, откуда бы она ни исходила: от красных или от белых. Я мог бы вам написать тысячу страниц и даже больше, опровергая ложь, которой заполняется в течение почти 60-ти лет советская пресса. Но в этом письме всего, что нужно вам знать, не уместить. Повторяю вам еще раз, что мы, русские люди, живущие за границей, знаем о том, что происходило на нашей родине, лучше вас. Мы знаем и то, что вам всегда запрещалось знать, и всё то, что не запрещалось. Скажу вам для примера: могли ли вы в Советском Союзе прочесть в газете или журнале, как ваш советский посол Беседовский в Париже залез ночью на высокий кирпичный забор советского посольства и, спрыгнув в соседний двор капиталиста, побежал во французскую полицию про-

сильно спасти его душу. Или, например, как бежал в Китай начальник ГПУ Дальнего Востока «товарищ» Юшков, а за ним следом бежало еще 300 чекистов. И Беседовский, написавший книгу о тайнах «мадридского двора», и Юшков заявили тогда, что он бежал специально, чтобы рассказать об ужасах, которые заставляла его творить Москва. А мы, живущие «под игом капитализма», все эти советские истории узнавали сразу же во всех подробностях. Нам здесь разрешается знать всё. Никто нам здесь не затыкает ни рта, ни ушей. Каждый, бежавший из советского рая, не боится рассказывать то, что он видел, и всё, что пережил под властью любимой вами партии.

Советская власть даже не разрешила вам прочесть такой безобидный роман Пастернака «Доктор Живаго». Это произведение было одним из выдающихся в СССР. Нам здесь никто не запрещал его читать. По этому роману кинодеятели даже создали фильм, который покорила мир своим содержанием и художественной постановкой. Этот фильм не был иностранной клюквой, а отобразил то, что было в России и что думали сознательные русские люди с точностью на сто процентов. Русские, пережившие революцию и Гражданскую войну, ходили смотреть этот фильм по несколько раз. Его демонстрировали в Сиднее непрерывно шесть лет. А вам не дали посмотреть, потому что Брежнев боится правды, как чумы. Чтобы прочесть у вас в СССР книги, описывающие концлагеря и советские тюрьмы, бежавших в свободный мир братьев Солоневичей, Марголина, Анатолия Марченко и других, надо рисковать своей жизнью. Эти книги запрещены, потому что они опровергают наглухо ложь советской власти, что при созданном Лениным коммунизме русскому народу стало жить легче и веселее. И утверждение, что нет такой страны, как СССР, где так вольно дышит человек. Всё сейчас в России пропитано ложью. И всё держится на лжи и насилии.

Советская конституция говорит о свободе слова и печати. Да разве советская власть разрешит вам прочесть сейчас великое творение вашего советского писателя Александра Солженицына, приравненного литературным миром к гениальному Л. Толстому, написанное на родине? Он принужден тайно отправить его за границу для издания, так как на родине не только не разрешили бы напечатать его, но еще за него сгноили бы в тюрьме. Я говорю про его великий труд «Архипелаг ГУЛаг» (т. е. Архипелаг государственных лагерей). Это произведение войдет в Историю России как бесценный, богатейший и неоспоримый документ, свидетельствующий о зверствах, которые творила коммунистическая, безбожная власть на нашей русской земле в годы ее царствования. Этот потрясающий документ говорит нам с самыми мельчайшими подробностями, за что тащила советская

власть миллионы русских людей в концентрационные лагеря и тюрьмы и как они там страдали по десять, двадцать и даже по 25 лет, и тысячами умирали от голода, холода и непосильного труда. Этот документ говорит, что в лагерях Советского Союза в продолжение многих лет всегда находилось не менее десяти миллионов заключенных, и иногда эта армия советских рабов доходила до «мощности» в 15000000 человек. А за все годы существования лагерей в них перебывало не менее пятидесяти миллионов. Если считать, что у каждого из них было в среднем хотя бы по три близких человека, как отец, мать, жена и сколько-то детей, которые были душой с ними вместе, то получится, что весь народ был с «врагом народа». Три тома (2000 страниц) великого произведения А. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» содержат тысячи потрясающих фактов. Более подробно описать советские лагеря и тюрьмы, мне кажется, невыносимым. Грандиозную массу материала, из коего состоит это произведение, конечно, один Солженицын собрать не мог бы. Он и не скрывает этого. Он пишет, что почти 250 лиц помогали ему собирать факты для его труда. Не может быть никакого сомнения в том, что помогали ему в течение нескольких лет после его освобождения из концлагеря, где он пробыл девять лет, не только беспартийные и бывшие заключенные, но и члены коммунистической партии. Ибо бесконечное количество разных постановлений, правительственных указов и приказов, с указанием точных дат и всевозможных статистических данных дореволюционного периода и послереволюционного, сам Солженицын, без помощи партийцев, не мог бы добыть. Только партийцы, которые имели доступ к государственным архивам, и могли предоставить их Солженицыну. Вполне возможно, что они делали это с разрешения Никиты Хрущева, в первые годы после разоблачения Сталина на Двдцатом съезде, когда он стремился к верховной власти и призывал писателей писать правду о сталинском прошлом. Пока существует в России коммунистическая власть, едва ли вам удастся прочесть в СССР этот труд Солженицына. Но прочесть его вы имеете возможность. Хлопочите туристскую визу в любую страну, где свобода существует не на бумаге, а в действительности, и вы прочтете там этот бесценный, потрясающий документ. <...>

За вашу брехню и клевету вас, собственно, и обвинять-то нельзя всех огулом, так как многие из вас, особенно те, кто моложе пятидесяти лет, были еще детьми в годы, когда ваша так называемая «народная» власть истребляла русский народ миллионами. Воображаете, что вы знаете историю россии и историю партии. Вы должны знать, что после прихода к власти Ленина с Троцким и Свердловым началось бесцеремонное извращение многих исторических фактов, которое

продолжается и поныне. Так как по учению Ленина всё морально, что помогает коммунизму, то ложь у коммунистов стала оружием в борьбе за мировую революцию. Совершив государственный переворот в России с целью превращения ее в базу мировой революции, интернационалист Ленин приложил всё возможное, чтобы убить в русском народе любовь к родине и Богу, считая, что эта любовь будет большим препятствием к победе. Поэтому он начал чернить и оплевывать старую Россию. Он обливал грязью всех князей древней Руси и всех царей Дома Романовых, создавших великую Российскую державу, занимающую шестую часть земной суши. Он чернил всех генералов и государственных деятелей прошлого. Он называл православное духовенство и монахов дураками, скрывая, что именно они принесли России просвещение и всегда способствовали победам русского воинства. Вспомните, кто вышел первым против татар в бою на Куликовом поле и положил свою жизнь за родину? Неужели Пересвет был дураком? Ленин называл дураками всех верующих. Значит, и генералиссимус Суворов, который воодушевлял солдат своим возгласом: «С нами Бог, мы русские», был дураком? И наши русские армии, ходившие в атаку на врага с развернутыми знаменами, на которых был образ Христа, тоже, значит, были все дураками? И Ломоносов дурак, и Дмитрий Донской дурак, и Александр Невский тоже? Ленин обливал грязью офицеров, внушая простому народу, что офицеры служат не народу, а его врагам капиталистам. Он даже дошел до того, что стал осмеивать героев страны, внушая к ним ненависть. Он научил петь темную массу: «Никто не даст нам избавления: ни Бог, ни царь и ни герой». И несознательные темные люди, встречая защитников родины с Георгиевскими крестами и медалями, стали осмеивать их и говорили: «Ишь ты, какой герой, повесил на грудь побрякушек. Сними их, не позорь себя». Значит тот, кто шел на смерть в защиту родины, – дурак? Ленин клеймил всю русскую интеллигенцию, называя ее прихвостнем капиталистов, за то, что интеллигенция назвала его изменником родины и не поддержала его. Сотрудничать с изменником родины отказались все звезды российского литературного мира и бежали от него. Почти все они собрались в Париже: Алданов, Аверченко, Адамович, Анненков, Бердяев, Бунин, Гиппиус, Дон-Аминадо, Зуров, Зайцев, Замятин, Куприн, ген. Краснов, Крымов, Ковалевский, Максимов, Мережковский, Милюков, Набоков, Осоргин, Резников, Тэффи, А. Толстой, Ходасевич, Шмелев, Ширяев, Юрасов и другие. Я пропустил фамилию М. Горького. Семь лет прожив в Италии, тоскуя по родине, он вернулся и стал восхвалять зверства Сталина, но это ему не помогло. Сталин не простил ему старые грехи и отправил его к Фрунзе.

Ленин призывал темных людей грабить богатых и пустил своих молодцов ходить по улице городов с плакатами: «Грабь награбленное». Он не хвалил крестьян, которые создали образцовые хозяйства, а клеймил их и называл всех их без исключения кулаками. Он сделал ставку на темную, несознательную массу и на самую бедную часть народа, которой нечего было терять и которая с радостью пошла грабить. В центральных губерниях она разграбила около 10000 образцовых имений помещиков, разграбив всё имущество и уничтожив почти все прекрасные здания, в которых можно было создать для народа школы, госпитали, народные клубы и пр. Этим грабежом и разбоем Ленин купил босячно и несознательную часть народа, которые помогли ему создать коммунизм в России. Написано ли обо всём этом в истории, которую вы изучали? Я думаю, что нет. Вся ваша история – брехня.

С самого начала существования коммунистической власти в России у вас завелся порядок, при котором каждый новый глава компартии обязательно должен чернить предыдущего руководителя страны и переделывать историю по-своему. Знает ли сейчас хотя бы один гражданин СССР историю государства и партии коммунистов? Я думаю, даже сам ваш нынешний фараон и все его ровесники не знают ее в точности. Что, например, может знать о прошлом нынешний верховный правитель России, если в дни «Октября» ему было десять с половиной лет? Мог ли он, деревенский соплиивый мальчишка, сын рабочего Днепропетровска, осмыслить тогда, кто есть истинный друг русского народа и кто враг? Тот ли, кто решил проливать русскую кровь за пролетариев всех стран, или тот, кто стоит за свою родину? Ленька Брежнев мог только слушать и принимать на веру то, что внушал ему распропагандированный агентами Ленина его отец.

Сопляку Леньке отец говорил: «Бога нет. Это Карл Маркс установил научно. И это подтверждают Ленин и Троцкий. Они наши спасители. Они хотят нам создать счастливую жизнь, чтобы мы с тобой каждый день ели много сахара, мяса и хлеба». Бедный Ленькин папаша не чувствовал, что вместо счастливой жизни Ленин с Троцким принесут народу смерть и три великих голода, во время которых родители будут убивать своих маленьких детей и есть их вместо сахара, мяса и хлеба, которыми он увлек Леньку в безбожники. Если бы тогда кто-нибудь сказал папаше Леньки, что у них на Украине ленинская власть устроит даже такой голод, во время которого умрут с голоду шесть миллионов человек, он зарубил бы того человека. Откуда тогда Ленькин отец мог знать, что советская власть сделает так, что русский народ будет вечно стоять в очередях за продуктами, а сахар, мясо и хлеб будет посылать Великой России, которая имеет земли больше всех на свете, маленькая страна Австралия, находя-

щаяся на краю света, где еще коммунисты не создали колхозов. Ленька поверил отцу и записался в пионеры, и надел на свою шею кусочек кровавого знамени. Он стал теперь особенно чтить товарища Троцкого, который победил Белые армии врагов народа – Деникина и Колчака. Но вот когда Леньке Брежневу пошел 17-й год, в Москве появился новый фараон Иосиф Первый Великий. Он был рожден на Кавказе и был сыном грузинского сапожника Джугашвили. Он начал революционную борьбу с ограбления государственного банка и этим подвигом завоевал себе славу и назвал себя громкой фамилией Сталин. Он всю свою жизнь мечтал о власти, что он никогда не скрывал своим товарищам, жившим с ним вместе в сибирской ссылке. После смерти Ленина, боясь, что Троцкий, возглавляющий Красную армию, может занять престол Ленина, объявил, что Троцкий есть враг народа и агент американских капиталистов. Он арестовал Троцкого и выслал его из страны. А когда Троцкий, переселившись в Мексику, начал там шухерить и клеймить Сталина, Сталин послал туда своего агента, и тот топором прикончил жизнь основателя Советской Красной армии, который возглавлял вооруженные силы Советского Союза первые шесть лет после Октябрьской революции. Ничто не вечно под луной! Каким был великим Троцкий после поражения Белых – и такой конец!

Хотя Свердлов был действительным хозяином страны после «Октября», но имя Троцкого было всегда неотделимо от имени Ленина. А сколько частушек про них обоих было тогда создано. Я помню, комсомольцы пели под балалайку: «Ленин Троцкому сказал, пойдём, Лёва, на базар. Купим лошадь карию, накормим пролетарию». Наверное, и Ленька Брежнев любил Лёву из Могилева, но теперь не сознается. Теперь и советские скрывают, кто им создал коммунизм <...>. Сталину не пришлось на пути к власти прикончить самого Ленина, так как Ленина увела на тот свет какая-то неизлечимая болезнь. В те годы в Москве ходили упорные слухи, что Ильич «помёр» от прогрессивного паралича на почве застарелого сифилиса. Тогда еще не существовало стрептомицина, который мог продлить ему жизнь, чтобы потом получить пулю в затылок от Сталина, как получили почти все соратники Ленина. Свердлова тоже не было нужды кончать, так как его кто-то уже прикончил спящего 16 марта 1919 года. Был слух, что его задушили прижатой к его рту подушкой. Хотя не исключена возможность, что это дело было тоже рук Сталина, который косил всех тех, кто мог встать на пути к его власти. Убийство Жданова было уже несомненно делом его рук.

Джугашвили, так же, как и Ленин, придя к власти, сразу начал переделывать историю по-своему, и извращать многие исторические факты. Он делал так, чтобы все победы коммунистов и достижения

советской власти были бы приписаны ему только одному. А любое упоминание о Троцком и его единомышленниках он приказал изъять из истории, и вообще всё, что писалось о них где бы то ни было, уничтожить. Сделать так, как будто их не существовало на свете. И вот такое извращение фактов стали в СССР называть историей России и компартии. Какая же история, если в ней не упоминаются создатели первого коммунистического государства? При Царе не вычеркивали имена тех, кто шел против власти. А. Пушкину не запретили написать «Капитанскую дочку», в которой он описал, что творил душегуб Емелька Пугачев. И полковнику Крестовскому не запретил Царь написать и издать подробности восстания против императора Николая Первого. А у вас даже имен создателей коммунизма в России нет, и ничего не написано об их заслугах. Указано ли в вашей истории, что Сталин расстрелял нижеследующих советских главарей:

Председателя Совета народных комиссаров Рыкова,
Председателя Третьего Интернационала Зиновьева,
Председателя Советских профсоюзов Томского,
Советского теоретика коммунизма Бухарина,
Главного политического комиссара Красной армии Гамарника,
Народного военного комиссара Лейбу Троцкого-Бронштейна,
Маршала Советского Союза Егорова,
Маршала Советского Союза Мразовского,
Маршала Советского Союза Корка,
Маршала Советского Союза Каширина,
Маршала Советского Союза Уборевича,
Маршала Советского Союза Тухачевского,
Маршала Советского Союза Блюхера,
Маршала Советского Союза Якира и многих героев революции и Гражданской войны.

Впоследствии из Советской энциклопедии были изъятые даже имена тех, кто, не щадя русской народной крови, защищал советскую власть, угробив 20000000 крестьян и рабочих: Ежов, Ягода и Берия. Когда же пришел к власти Никита Хрущев, и он тоже, как его предшественники, взялся за переделку истории по своему рецепту. Он заявил, что всё, что писалось тридцать лет, при Сталине, есть сплошное извращение фактов, и приказал профессору Тарле «сочинить» новую историю. И, конечно, как положено советским лидерам, чтобы его имя в новой истории было особенно выделено и чтобы во всём, что будет написано, он должен быть первой спицей в колеснице. Он обвинял предшествовавших министров, что они обманывали народ, приписывая себе достижения, которых не было. Он – бывший дикарь, почти неграмотный до революции шахтер Донбасса, который ничего

не знал о состоянии Царской России, врал о ней еще больше, чем Ленин. Тот лил грязь на Россию, а Хрущев, развезжая по миру, уверял, что при царе совсем не было в России фабрик и заводов, а были только маленькие мастерские. А Россия строила до революции двадцатитысячетонные броненосцы, аэропланы и паровозы не хуже английских. Русские эмигранты, жившие в Австралии, Америке и Китае, читали в газетах речи Хрущева, поражались его наглостью. Как можно так лгать о России в то время, когда еще живы и видели ее собственными глазами, и, кроме нас, тысячи людей во всех странах мира видели ее и тоже еще не ушли на тот свет. Полвека мы наблюдали за Россией, читали речи советских лидеров и пришли к заключению, что Россией правят великие лгуны, и советский народ живет в царстве лжи. И вы, советские писатели и журналисты, срослись с ложью, и так к ней привыкли, что она уже не стала противной вам. Вы не чувствуете уже к ней отвращения, как жуки, родившиеся в куче коровьего дерьма, которым зловонный запах, идущий от кучи, кажется даже приятнее свежего воздуха.

Теперь я вернусь к вашей газете «Голос Родины». Я просматриваю ее почти 10 лет, и ни в одном ее номере не обошлось без брехни. Иногда номера были заполнены сплошной брехней, иногда трудно было разобрать, где брехня и где правда, и где, по незнанию правды, сотрудники извратили факты. На первой странице каждого номера вашей газеты красуется надпись: «Славься, Отечество наше свободное». Это уже брехня! Да неужели вы думаете, что в свободном мире есть люди, которые не знают, что коммунизм есть насилие над человеческой личностью и не может существовать при свободе? Я спрашиваю вас, мои дорогие соотечественники, да разве существовала в России свобода хотя бы один день после Октябрьской революции? С первого же дня захвата власти Лениным все тюрьмы России начали набиваться политическими арестантами. При Царе были политические заключенные, но при власти, установленной Лениным, на место одного царского начали садить по десяти, потом по сотне и, наконец, тысячами. Арест политических означает отсутствие свободы. Ни у нас в Австралии, ни в Англии, ни во Франции, ни в Италии и другой какой-либо демократической стране противников правительства не сажают в тюрьмы и лагеря, ибо свобода есть право каждого гражданина страны открыто говорить и писать всё, что он думает и хочет. И даже имеет право называть премьер-министра обманщиком и кричать «Долой его!» Можно это у вас делать? Какое это, к черту, свободное отечество, если советский гражданин не имеет права купить не только печатную машину, но даже пишущую машинку, чтобы печатать на ней то, что он хочет. Даже приобрести ротатор, чтобы печатать стихи

советских поэтов, советская власть посчитала Владимиру Буковскому страшным преступлением и лишила его свободы на 12 лет, включая заключение в тюрьму и концлагерь тяжелого режима. Ему суд сказал, что он хотел печатать антисоветскую пропаганду, но ведь если бы было даже так, то это и доказывает, что в СССР нельзя критиковать правительство, а если нельзя высказывать свое мнение, значит у вас свободы нет. Не имея свободы, советский гражданин даже не может при людях сказать, что он не имеет свободы. За эти слова его ждет тюрьма или сумасшедший дом. А если по выходе из сумасшедшего дома скажешь, что тебя садили в него, то за эти слова – тюрьма и концлагерь. Можно ли такой порядок назвать свободой личности? А у нас под «гнетом капитализма» любой гражданин, ни у кого не спрашивая разрешения, может купить столько машин, сколько захочет, и всё на них печатать, кроме денег. Может ли ваш гражданин устроить демонстрацию против правительства (мирную демонстрацию)? Конечно, не может. У вас нашлись три смелых гражданина, которые, вероятно, видели в телевизии, как делают демонстрации в Америке, решили тоже попробовать. Вы, вероятно, забыли, чем у них кончилась эта попытка. Посидели они несколько минут на Красной площади с маленькими плакатиками, на которых было написано «Руки прочь от Чехословакии». Никого они не трогали и ничего не выкрикивали. Явились к ним несколько вооруженных молодцов, вырвали у них плакаты, всех их жестоко избили, одному из них выбили даже несколько зубов, а потом поволокли в тюрьму. Можно ли такое вопиющее насилие над гражданином назвать свободой? Нет, это называется рабством. Можно ли в вашем свободном отечестве купить армейскую винтовку с оптическим прибором, и к ней пару тысяч патронов? Конечно, нет. Не только купить, но даже спросить у кого-нибудь, где ее можно достать, – вас арестуют и назовут врагом народа. А у нас любой человек может купить в любом оружейном магазине не только армейскую, обычную винтовку, но даже необычайной силы винтовку «Армолит». И не одну, а даже несколько штук. Вы, конечно, скажете, что это плохо, потому что ваша власть так внушила вам (боясь, чтобы из этой винтовки не пульнули бы в лоб фараона). Можно ли у вас созывать, без разрешения власти, собрания для обсуждения политических и религиозных вопросов? – Тоже нельзя. За такое дело несколько лет лагерей обеспечено. А у нас, «под игом капитализма», можно собирать толпу хоть в 20 тысяч, и даже кричать на премьер-министра и генерал-губернатора, представителя нашей Королевы: «Долой его!» И полиция никого не арестует, пока демонстрант не стал бросать камнями в министра или бить стекла в его автомобиле. Вы сами знаете, что бы получил совет-

ский гражданин за такую вещь. А у нас такое хулиганство обходится демонстранту штрафом в десять или двадцать долларов. Можно ли у вас создавать политические партии? Конечно, нельзя. А у нас, не спрашивая ни у кого разрешения, можно создать любую партию, начиная от анархической и кончая коммунистической и фашистской. Могут ли граждане вашего «свободного» отечества создавать коммерческие предприятия? Конечно, нет. А у нас делай что хочешь, только не делай зла другим. Существует ли у вас свобода вероисповедания? Да, существует, но только на бумаге. Вы пишете в вашей газете, что в СССР существует полная свобода. Да разве это свобода, если священник не имеет права после церковной службы оставаться в церкви и присутствовать на собрании своего прихода? Разве можно назвать свободой, когда безбожная власть, объявившая отделение Церкви от государства, вмешивается во все церковные дела и принуждает принимать в приход всех, кто пожелает, то есть безбожников, цель которых – развалить приход и закрыть храм. Разве это свобода, если все российские храмы, построенные верующими людьми, конфискованы советской властью, и верующие теперь должны арендовать их у власти, которая может сдать их в аренду, и может не сдать и устроить в Божьем храме комсомольский танцевальный клуб. Разве можно назвать свободой изданный правительством закон, лишаящий Церковь права собственности? То есть если верующие соберут деньги и построят новый храм, то его немедленно присваивает себе власть, и строители храма должны его арендовать. Такого беззакония, какое существует в Советском Союзе, не существовало ни при татарском владычестве, ни при гитлеровском нашествии. Разве это свобода – не допускать в страну книги, журналы и газеты из свободных стран мира и глушить радиопередачи иностранных станций? Все вышеперечисленные факты говорят о полном отсутствии свободы. Советская власть зажала русскому народу и рот, и уши.

Теперь давайте перейдем ко второй строчке первой страницы вашей газеты. На ней написано: «Голос Родины». – Опять брехня. Газета ваша есть голос компартии, ибо она пишет только то, что разрешает ей писать партия и приказывает писать. Точнее говоря, даже не партия, а ее генеральный секретарь. А секретарь партии не есть голос родины. Ибо всё, что делается в стране, всё делается по его воле. Генсека народ не выбирал. Его выбрала партия, да и то под страхом потерять его милость. А выборы в Верховный совет – это фарс и глумление над народом. Кандидатов назначает не народ, а партия, и предлагает народу за них голосовать. Народ не выбирает, а голосует. Вдумайтесь в значение слова «выборь», что оно значит! Брать и выбирать не есть одно и то же. Выбирают что-то из какого-то

количества, наиболее подходящее по вкусу. Приходите в игрушечный магазин с маленьким сынишкой и говорите ему: выбирай, Коля, игрушку, какая тебе больше всего нравится. Коля выбирает велосипед. Это значит, он выбрал велосипед, а не взял, что предложил отец. А вот если солдат пришел к каптёру, чтобы выбрать вместо старых сапог новые, и каптёр сует ему пару на два номера больше, чем надо, и говорит ему: бери, что тебе дают, распишись и уматывай, – то в этом случае нельзя сказать, что солдат выбрал сапоги, к которым у него не лежала душа. Он взял то, что ему приказали. Таким же образом «выбирают» у вас в Верховный совет. Каждому району партия назначает кандидата и предлагает жителям района подать за него свой голос. Это не выборы, а приказ подать свой голос за определенного члена партии. И в партию тоже не выбирает народ. Партия принимает к себе только тех, для кого она дороже народа. Это тоже факт, а не брехня. Это не скрывается. В учебниках начальных школ и книжках пионеров так и написано: «Компартия – выше всего». Михаил Шолохов на 21-м съезде компартии так и заявил пяти тысячам делегатов во Дворце Советов: «Для нас партия дороже всего на свете. Дороже наших жен, дороже наших детей, дороже нашей жизни». Теперь, значит, уже не партия служит народу, а народ партии. То есть вы пишете в ответе Сергею Введенскому, что он не прав, утверждая, что ранее Россия продавала хлеб, а теперь покупает. В опровержение его мнения вы говорите, что последний год был неурожаем, но ведь русский народ стоит у продовольственных лавок уже почти 60 лет. Нет, братцы, дело не в погоде. До тех пор, пока в России будут существовать колхозы, до тех пор русский народ будет покупать хлеб у капиталистов. А ваше утверждение, что до революции в России тоже были неурожаи и во время их умирали люди от голода, это – брехня. В России всегда в каких-то районах случались неурожаи, но в течение последних ста лет до революции в России не умирали от голода.

Так как мое письмо получилось довольно длинным, потому что оно первое и, может быть, последнее, я должен его закончить. Но в заключение, как чтущий память моего национального вождя, адмирала Александра Васильевича Колчака, великого патриота нашей родины, о котором я давно собирался написать вам, скажу сейчас, что вы писали о нем много раз неправду. Например, вы писали: Колчак выступил против народа и захватил Сибирь. Так как о нем тоже всё изъято из вашей истории, и даже в имеющемся у меня толковом энциклопедическом словаре 1960 года нет его имени, и ни слова не написано, какие великие подвиги он совершил для России, я нахожу своим долгом разъяснить ваши заблуждения. – Адмирал Колчак не захватывал Сибири. Он приехал в Сибирь из-за границы, когда терри-

тория России от Пензы до Берингова пролива была освобождена патриотами. Первыми руководителями национальных сил <...> был Комитет Учредительного Собрания, созданный после освобождения Урала и Среднего Поволжья. Он заседал в Самаре. Потом Комитет передал власть Директории, которая обосновалась в Омске. Директория состояла из левых и правых социалистов и плюс еще в придачу к ним одного кадета. Согласия между ними, конечно, не было. Каждый защищал программу своей партии. Военные, освободившие Сибирь и продолжавшие борьбу на Уральском фронте, называли Директорию говорильней и требовали, чтобы кто-то сильный и решительный взял власть в свои руки и вел бы народ по одному пути, а не так, как тянули в разные стороны: лебедь, щука и рак. Директория существовала один месяц и была свергнута военными. Во главе совершивших переворот стояли: войсковой старшина Волков, атаман Красильников и еще один полковник, части которых находились в те дни в Омске. На следующий день утром было созвано экстренное заседание Совета министров, в числе их и адмирал Колчак. Он только что вернулся с фронта, куда поехал сразу же после назначения его Директорией военным министром. Председатель Совета министров сообщает министрам об аресте членов Директории и спрашивает: «Что же мы будем делать?» Переворот был для всех, включая и адмирала Колчака, неожиданным, так как его совершили по своей инициативе вышеуказанные три полковника. На заседании начались прения. Выяснилось, что все военные требуют, чтобы вместо коллективной власти был бы правителем один, и все согласились с этой идеей. Еще полчаса тому назад ни у кого из них не было мысли передать всю власть адмиралу Колчаку, в этот же момент большинство из них обратили их взоры на адмирала. Некоторые выдвинули на пост правителя генералов Болдырева и Хорвата, но их мало знали присутствующие на заседании. Имя же адмирала Колчака было известно не только всей России, но и за ее пределами. Произошла баллотировка. За адмирала Колчака были поданы все голоса, кроме одного. И он, для которого родина была всегда дороже жизни, возложил на свои плечи тяжелый крест власти, к которой никогда не стремился. При отступлении Белой армии на восток под напором превосходящих сил противника адмирал Колчак не пошел вместе с армией, а никому не доверяя российский государственный запас золота (около 30000 пудов), двигался на восток по железной дороге. С ним следовало четыре поезда: эшелон с золотом, два эшелона с охраной и поезд с его штабом. Когда эти эшелоны достигли Нижнеудинска, не доехав верст 500 до Иркутска, Колчак узнал от командующего чешскими войсками генерала Сырового, что

Иркутск пал в руки красных. Теперь, казалось бы, Колчак должен был думать не о золоте, а о спасении своей жизни. Он имел 1500 охраны, с которой мог уйти с дороги и потом присоединиться к Армии. Но он, как всегда, служа Родине, думал о себе меньше всего. Бросить 10000 ящиков, в каждом из которых находилось по три пуда золотых монет, он был просто не в силах. Сдать чехам на хранение российский золотой запас? Он, вероятно, считал, что они могли увезти его к себе в Чехословакию, тем более, что он уже считал генерала Сырового своим врагом и ненавидел его за подлость, которую Сыровой устроил ему, когда за месяц до этого их поезда встретились на станции «Тайга». Когда поезда адмирала прибыли на станцию Тайга, они застали там поезд Сырового, который ждал починки своего паровоза. Сыровой, узнав о прибытии поездов Колчака, приказал своим солдатам взять паровоз от поезда с золотом и уехал со станции. Этой подлостью он задержал Колчака на станции «Тайга» на двое суток. И вот теперь в Нижнеудинске, когда Сыровой предложил адмиралу сдать чехам на хранение золото, взбешенный адмирал Колчак, чуть не плюнув Сыровому в лицо, крикнул: «Что? Вам передать на хранение российский государственный запас? Да я лучше оставлю его большевикам». Этой фразой Колчак подписал себе смертный приговор. После этого заявления Колчака генерал Сыровой и главнокомандующий союзными войсками в Сибири генерал Жанэн решили заключить с красными мирное соглашение и порвать совершенно с белыми. Соглашение состояло в том, чтобы каждая сторона прекратила враждебные действия против другой. Чтобы красные не оказывали чешским войскам никаких препятствий уйти за Байкал, а чехи прекратили бы какую-либо помощь белым и отправили бы адмирала Колчака и поезд с золотом в Иркутск. Заключение этого соглашения подтвердил мне чешский комендант одного из эшелонов, стоявших на станции «Иркут», когда я 16-го февраля 1920 года (уже после расстрела адмирала) просил его разрешения доехать с его эшелоном до Байкала (60 верст) и спасти мою жизнь. Он закричал в ответ на мою мольбу: «Уходытэ вон! Мы имзем соглашенэ с красными нэ помогаг белым». Генералы Сыровой и Жанэн, пользуясь тем, что чешских солдат было в тот момент в Нижнеудинске больше, чем охранников золота, арестовали адмирала Колчака и отправили вместе с золотом в Иркутск, на расправу красным, где 7 февраля он был расстрелян, и его тело было опущено в прорубь реки Ангары. Перед расстрелом он был совершенно спокоен и попросил выкурить папиросу. Это ему разрешили. Он вытащил из кармана золотой портсигар и, взяв из него одну папиросу, подал его рядом стоящему палачу и сказал: «Возьми, братец, на память». Где сейчас тот портсигар, какова

его судьба, об этом тоже не написано в советской энциклопедии. Нет никакого сомнения в том, что если бы Колчак передал чехам российское золото, то он не был бы предан Сыровым. Он проехал бы с чехами за Байкал, как проехал с ними я. При их желании они легко могли сделать это. Но для адмирала Колчака родина была дороже его собственной жизни. Японцы обещали ему послать на фронт против красных вооруженную помощь, если он отдаст им Сахалин. Он отказался от такой помощи. Англичане, французы и американцы просили его признать независимость Польши, он отверг. Он говорил им, что он не хозяин русской земли, а только временный правитель. Был ли он прав или не прав, пусть судит его Господь. Но вся его жизнь, все его дела и подвиги говорят, что он был великим патриотом и жил не для себя, а только для своей родины.

Прививая сейчас вашим писанием любовь к родине в газете «Голос Родины» и прославляя патриотов, вы никогда не сказали доброго слова об адмирале Колчаке, а только его чернили, не сознавая, что вся его «вина» состояла в том, что он любил свою мать-родину. Ведь он принес пользы России больше, чем все взятые вместе: Ленин, Свердлов, Троцкий <...> Если вы мне скажете, что армия Троцкого тоже защищала родину, на это я скажу вам, что это бесстыдное извращение исторических фактов. Армия «товарища» Троцкого не только не защищала родину, но за слово «Родина» преследовала. Повторяю вам, что у Ленина слово «Родина» было неприличное слово. Я лично, будучи учителем, написал на черной доске, на уроке чистописания, «Россия – наша Родина», и за эти слова меня таскали в ГПУ, где сказали, чтобы я забыл это слово. Мне сказали: «За родину боролся ваш бандит Колчак, а Ленин борется за Интернационал!» (Т. е. за проклятьем заклеянный весь мир голодных и рабов). Находясь в гостях в доме моего знакомого, где оказался за столом сам военный комиссар двух областей (Андрей Марков), я, не находя темы для разговора с начальством, занялся граммофоном. Проиграв пару вальсов, я поставил старую русскую песню: «Слышу песню жаворонка, слышу трели соловья. Это русская сторонка, это родина моя!..» Комиссар, услыша эту песню, не выдержал и бросил в мою сторону замечание: «А гражданин Жиганов никак не может забыть свои контрреволюционные песенки». Все смутились и молчали. И чтобы сгладить общее смущение, добавил: «Не модно, не модно это теперь, Владимир Данилович!» Это было при жизни Ленина. Теперь вся советская история вывернута наизнанку. Согласно составленной по-новому истории, оказывается, Ленин боролся за родину, а Колчак – против. До какого бесстыдства нужно было дойти, чтобы на военные знамена России поместить под надписью «За Советскую

Родиной» портрет ее изменника! Те, кто живут в России, уже свыклись с царящей там ложью, но нас, живущих за пределами родины, коробит.

Боровшийся с Лениным адмирал Колчак не был заурядным русским человеком. Он был одним из самых выдающихся людей русского народа в годы его службы России. Колчак был произведен в чин мичмана в 1899 году, а через пять лет его труды по океанографии в Балтийском море и Тихом океане заслужили уже высокую оценку и похвалу адмирала Макарова. Макаров нашел их настолько ценными, что без промедления представил их Императорской Академии наук. В том же году Академия предложила ему принять участие в качестве гидролога в Северной полярной экспедиции, возглавляемой Эдуардом Толем. Он принимает приглашение и поступает в Санкт-Петербургскую Физическую обсерваторию для совершенствования своих знаний и изучения полярных морей. Но вскоре был отправлен в Норвегию, где стал заниматься под руководством знаменитого полярного исследователя Ф. Нансена. Вернувшись в Россию, Колчак отправляется из Кронштадта с бароном Толем, в полярную экспедицию 10 июня 1900 года. Научные исследования у Таймыра продолжались три года. Наблюдения велись в страшно тяжелых условиях, среди льдов, снега, прогалин и совершенно оторванные от всего мира. Тогда не существовало еще ни радио, ни авиации. Это ли не героизм людей, пошедших добровольно на такие страдания! Через два года, по причине всевозможных полярных условий, члены экспедиции теряют Толя, и Колчак по льду Лены, через Иркутск, возвращается сообщить Академии о работах, произведенных экспедицией, и просит срочно снарядить помощь барону Толю. Так как поиски Толя можно было произвести только на простой гребной шлюпке, что Академия считала невозможным и просто безумием, – Колчак настоял на своем. Он говорил, что если гребная шлюпка является единственным, что может помочь спасти Толя, то говорить, что это слишком опасное предприятие, неуместно. Он заявил, что он сам берется за это дело. Он едет в Архангельск, набирает там себе шесть спутников-поморов и через Якутск прибывает в Верхоянск, где его уже ждал промышленник Оленьин с 160 собаками. По льду реки Лены Колчак и шесть его спутников и Оленьин на собаках добираются до Устьянска. Там Колчак с шестью своими гребцами, взяв малую морскую шлюпку, впряглись и по льду замерзшего моря протаскивали ее до Новосибирских островов. Все они безумно страдали в пути от лютого холода, в 30-40 градусов мороза. Как только море вскрылось ото льда, Колчак выходит на своей шлюпке через Благовещенский пролив в открытый Северный Ледовитый океан. Несмотря на июль месяц, температура была около нуля. Часто шел

густой снег и постоянно обволакивали их густые туманы. Одежда была беспрерывно мокрой. Холодный ветер вынуждал идти то под парусом, то под веслами, и при крупной океанской волне. Вообразите, читатель, как страдали эти люди, не имея никакого спасения от этих страданий. Но вот 6 августа 1903 года, в день праздника Преображения Господня, изнуренные, промокшие и полузамерзшие Колчак и его шесть поморов достигают земли Беннета. Мыс, на котором они высадились, был назван Колчаком «Преображенский». Бутылка барона Толя была найдена Колчаком на берегу, среди камней. В ней лежали записка Толя и план, по которому Колчак нашел место стоянки барона Толя, коллекции и его дневник. Из дневника Колчак узнал, что Толь, израсходовав продовольствие, в конце ноября 1902 года, решил пешком возвратиться на Новосибирские острова, когда уже наступила полная тьма полярной ночи, в сезон снежных вьюг и морозов в 40 градусов по Реомюру, Это означало, что барон Толь погиб. Это был первый подвиг, который прославил Колчака на весь мир. Ученые Европы и Америки писали: «В истории полярных исследований плавание Колчака на малой морской шлюпке с шестью гребцами, в течение 42 дней, по волнам Северного Ледовитого океана, среди льдин, является исключительным, беспримерным и просто невероятным». Когда Колчак вернулся в Якутск, ему доложили, что Академия вызывает его для доклада в Петербург. Но он, узнав, что японцы напали на Порт-Артур и начали войну против России, предпочел отложить доклад Академии и поехал в Порт-Артур принять участие в войне против Японии. Государь-император наградил А. Колчака за совершенный им в Ледовитом океане подвиг высшим для офицера орденом Св. Владимира. (Орден Св. Георгия давался только за боевые отличия на войне.) А Императорская Академия наук и Императорское Географическое общество пожаловали его золотой медалью, которой до него были награждены в России только два человека. В Порт-Артуре его назначают командиром миноносца, командуя которым он опять отличается своей отвагой и бесстрашием и награждается золотым оружием с надписью «За храбрость». По возвращении с войны в Россию он всеми своими силами, всем своим существом отдается работе по восстановлению боевой мощи нашего флота после поражения его у Цусимы. Колчак был первым начальником организационно-тактического отделения вновь созданного Морского Генерального штаба. По его личной инициативе и разработке составлены планы невероятно смелых операций постановок минных заграждений в немецких водах, вдали от наших баз, в Первую Мировую войну. Наряду с адмиралом Эссенем, именно он, Колчак, был виновником до дерзости смелых операций Балтийского

флота, за что был награжден высшим офицерским орденом Св. Георгия. Главной задачей, поставленной Балтийскому флоту, было не допустить никаких наступательных операций немцев против Петрограда со стороны моря и превосходящего в силе немецкого флота вглубь Финского залива. Не допустить немецкого удара со стороны моря по правому флангу нашего Северного фронта. Это задание было выполнено блестяще. Правда, осенью 1916 года одиннадцать немецких быстроходных миноносцев, составлявших самую мощную минную флотилию немцев, сделали попытку прорваться в Финский залив, но она закончилась для них катастрофой: семь из них погибли на минах, расставленных по указанию и при личном участии Колчака. За этот подвиг Царь произвел его в чин контр-адмирала. Когда в Черном море немецкие корсары – броненосцы «Гебен» и «Бреслау» – усилили свои нападения на российские порты в Черном море, и командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард не мог решить, какие надо было принять меры против налетов вышеуказанных немецких кораблей, наводивших ужас на жителей русских прибрежных городов, или, может быть, Эбергард боялся приблизиться к Босфору, Царь вызвал в свою Ставку адмирала Колчака и объявил ему о назначении его командующим Черноморским Военным флотом, произведя его в вице-адмиралы. Решительный и смелый, адмирал Колчак прибыл в Севастополь в тот же день, подал сигнал со своего флагманского корабля: «Флоту выйти в море!» И с первого дня вступления в должность командующего начал производить такие смелые операции, которые Эбергард считал не только рискованными, но просто невыполнимыми. Почти каждую ночь дивизионы миноносцев, под самыми турецкими береговыми батареями, забрасывали минами вход в Босфор. Результат этого был тот, что оба знаменитых броненосца «Гебен» и «Бреслау», которые топили союзников и в Тихом океане, и Индийском, и в Средиземном море, а затем бомбардировали русское побережье Черного моря, подорвались на наших минах. И после этого ни одно неприятельское военное судно больше не появилось на Черном море; весь турецко-германский флот был закупорен в Босфоре. Черное море стало подлинно нашим. За этот великий подвиг адмирала Колчака Император наградил его орденом Св. Георгия, теперь уже третьей степени, и произвел его в чин адмирала Российского флота. Этим своим последним подвигом адмирал Колчак также содействовал успешным операциям наших сухопутных войск на Кавказском фронте.

В июне 1917 года на флагманский корабль Черноморского флота явились комиссары из Центра, от товарища Троцкого, и на созванном митинге матросов приказали всем офицерам, защищавшим так

героически свою родину, снять с себя оружие и сдать его «революционному комитету». Адмирал Колчак, выслушав этот приказ «Лёвы из Могилёва», как патриоты называли Троцкого, первым снял с себя португезу, на которой висел его золотой кортик (с надписью «За храбрость»), и, держа его в руке, сказал: «Это оружие есть награда, полученная мною за службу нашей родине. Награда принадлежит мне, вам она принадлежать не будет» – и адмирал выбросил его оружие через борт броненосца. Матросам корабля, которые ещё недавно любили его и гордились им, и преклонялись перед его подвигами, стало стыдно, что за все его великие подвиги он так унижен и оскорблен. Несколько матросов бросились в воду и, достав кортик, с почтением вернули ему. Так закончил морскую службу один из самых талантливейших, самый отважный и решительный, самый молодой и самый прославленный на весь мир в Первую Мировую войну адмирал Российского Императорского военного флота. То, что сделал Колчак во время Первой Мировой войны в Балтийском и Черном морях, английские адмиралы называли чудом.

Ваши советские газеты и журналы пишут всегда, что Колчак возглавлял тех, кто шел против народа. Но ведь это же брехня. Я сам состоял в его Армии, которую ему предложили возглавлять, когда она уже отступала на восток. В извращенной советской истории о Белой армии написана одна только ложь. О ней написано, что она шла против народа. Да будет вам известно, что основателями Белой армии были не генералы и не капиталисты. Среди тех, кто сверг на Урале и Сибири большевиков, не было ни одного генерала. В первые месяцы борьбы у нас не было генералов. Когда мы, молодые патриоты, звали их присоединиться к нам, то они спрашивали: а кто им будет платить жалование. Они пришли, когда генералам стали платить генеральское жалование. А капиталисты от начала борьбы и до конца не дали Колчаку ломаного гроша. Основой Белой армии были восставшие против еврейской власти рабочие Ижевского, Боткинского и Лохвицкого заводов. Ижевский был старейшим и самым большим Российским заводом, изготавливавшим трехлинейные винтовки для Российской армии. К рабочим этих заводов присоединились крестьяне Среднего Поволжья и Уфимской губернии, отряды которых быстро освободили почти всю Уфимскую губернию. Из этих рабочих и крестьян и были созданы самые боевые 4-я Уфимская и 8-я Камская дивизии. Состав каждой из них доходил до 20000 бойцов. Они называли себя Народной армией. Одновременно с Ижевцами и Воткинцами восстали против власти Ленина и Троцкого Оренбургские казаки, выставив 36 полков против изменников родины. В эти полки пошли добровольцами почти поголовно, начиная от юношей

до седых стариков. Вслед за Оренбургскими казаками восстали против Интернационала казаки Сибирского казачьего войска, Забайкальского, Амурского и Уссурийского. К ним присоединилась интеллигентная молодежь Сибири. Крестьяне Сибири, еще не попробовавшие, чем пахнет коммунизм, были равнодушны и к белым, и к красным, но немало из них, распропагандированных агентами Ленина, пошли в партизанские отряды сражаться за пролетариев всех стран. Я не отрицаю того, что в армии Троцкого, кроме интернациональных полков и батальонов китайцев, корейцев, мадьяр, немцев и батальонов башкир, всё же преобладающее большинство составляли русские. Но кто были эти русские? Это были темные, несознательные русские люди, которые поверили Ленину, что он создаст им действительно народную власть и что они будут хозяевами страны и сразу заживут богато. А большинство бойцов Красной армии были мобилизованные под страхом смерти. В числе их – 100000 царских офицеров. (Не подумайте, что я преувеличил, эту цифру я взял из советского журнала «Сибирское Обозрение», № 5 за 1925 год). Все эти бойцы, оказавшие помощь Троцкому и Ленину изгнать из России патриотов, увидев через короткий срок, какую народную власть создал им Ленин, подняли восстания против этой власти, которые продолжались во многих частях страны до самого начала Второй Мировой войны. Даже матросы Балтийского флота, «краса и гордость революции», как называл их Ленин, восстали против него, но были разбиты Троцким при помощи башкирских батальонов и военных курсантов, наступавших на Кронштадт по льду в белых саванах. 1500 балтийцев, создателей «Великого Октября», спасли тогда свои жизни, уйдя по льду в Финляндию. Около такого же количества было отправлено в Сибирские «лагеря смерти», а остальные были отправлены на тот свет, прямо из Кронштадта при помощи Нагана.

Я думаю, что большинство из двадцати миллионов граждан СССР, погубленных советской властью, были именно те, кто боролся против Колчака. Даже восемь из десяти первых маршалов Советского Союза не избежали этой участи. Миллионы русских крестьян, которым Ленин обещал много земли, не получили даже по три аршина. В большие ямы «лагерей смерти» их клали друг на друга по пятьдесят и даже по сто. Ничего об этом не сказано в вашей Энциклопедии. Всё это можно, при желании, найти в книге «Архипелаг ГУЛаг» вашего советского писателя Александра Солженицына.

С братским приветом,
редактор Сборника Исторических фактов
Владимир Жиганов.
Сентябрь 1976 г.